

— Папа, уложи меня спать, ты вчера обещал.

Он нахмурился, и Лин И тут же предложил:

— Дядя уложит Сяо Шу спать, хорошо? Сегодня я расскажу тебе сказку.

— Не хочу, я хочу, чтобы папа рассказывал, только папа рассказывает интересно, — Сяо Шу был привередлив. — Дядя рассказывает слишком медленно.

Лин И улыбнулся, смотря на Синчуаня с лёгкой иронией.

— Что делать, может, ты тоже немного полежишь.

Сказав это, он сам подвинулся к стене, оставив большую часть кровати для них двоих. Сяо Шу радостно закричал и упал на него, его маленькая головка заняла единственную подушку, а затем он похлопал по свободному месту.

— Папа, папа, скорее сюда.

Синчуань лёг на бок.

Лин И сдержанно смотрел на него, как путник в горах, охраняющий огонёк, который может погаснуть в любой момент. Горный хребет носа, тонкие губы, выраженный кадык — давно он не смотрел на Синчуаня так близко.

Они лежали по обе стороны от ребёнка, и в комнате стало невероятно тепло. Сяо Шу посмотрел на одного, затем на другого и вдруг засмеялся, прикрыв глаза ладошками, оставив лишь маленькую щель.

— Что ты делаешь?

Синчуань убрал одну его руку, и Сяо Шу тут же снова прикрыл глаза.

— Дядя сказал, что если я увижу папу и дядю вместе, то должен закрыть глаза.

Память у него была слишком хорошей.

Синчуань посмотрел на Лин И, и его щёки мгновенно покраснели.

— Нет, я... я не учил его этому... Я просто объяснил ему поговорку «Не смотри на непристойное»...

Чем больше он оправдывался, тем хуже становилось.

Неожиданно Синчуань выключил ночник и спросил Сяо Шу:

— Теперь видишь?

Сяо Шу надул губки.

— Не вижу.

— Знаешь, почему?

— Нет света!

— Верно, — Синчуань терпеливо объяснил. — Запомни, если видишь что-то непристойное, обычно нужно выключить свет.

Сяо Шу кивнул, не до конца понимая.

В темноте всё тело Лин И вспыхнуло жаром, и он прошептал:

— Почему ты так учишь ребёнка.

Синчуань молчал.

Сяо Шу зевнул и потянулся вправо, но Синчуань, как будто подталкивая поросёнка, направил его в объятия Лин И. Лин И пришлось обнять ребёнка, который свернулся, как кокон, его тёплые ножки упирались в живот.

— Папа, расскажи сказку...

Он уже почти засыпал, но всё ещё не сдавался.

Лин И не смог сдержать улыбки.

— Может, я расскажу что-нибудь?

Но Синчуань был готов, он достал телефон и включил запись сказки, которую рассказывал раньше.

Настоящий мастер обмана детей.

Лин И был поражён, но в то же время вспомнил, что в прошлом он сам становился жертвой таких уловок, и это вызвало в нём ностальгию и теплоту.

— Ты всё такой же, как и много лет назад, — он тихо пробормотал.

Синчуань не ответил. Но его характерный голос, звучащий из устройства, был таким глубоким и спокойным, что у Лин И даже уши слегка покраснели.

Через некоторое время, под фон сказки, Лин И осторожно заговорил:

— Синчуань, сегодня «Великий снег».

Синчуань не понял.

— Сегодня снега нет.

— Я не об этом, — он понизил голос. — Я о сезоне, сегодня начало сезона «Великий снег», ты разве не смотрел календарь?

Синчуань равнодушно кивнул.

— Помнишь тот год, когда был «Великий снег», — голос Лин И стал слегка игривым, как будто он улыбался. — Ты тогда так разозлился на меня, я до сих пор не понимаю почему.

Он думал, что Синчуань точно не помнит, и сразу добавил:

— Это было, когда мы вернулись ко мне домой, помнишь? Моя мама купила тебе пижамные

штаны, но они были слишком короткие, и ты не хотел их надевать. Это было тогда.

Неожиданно Синчуань ответил:

— Помню.

— Ты тогда напился, и я тащил тебя наверх.

— Верно, — Лин И сначала удивился, а затем кивнул с улыбкой. — В ту ночь меня вырвало, это было самое сильное опьянение в моей жизни.

В этот момент Сяо Шу перевернулся во сне и положил ногу на его ногу, что немного напугало его.

Услышав лёгкое посапывание ребёнка, Синчуань выключил телефон. Лин И осторожно коснулся его запястья, хотел что-то сказать.

— Синчуань, подожди...

Тогда произошло много странного. Синчуань почему-то разозлился, Лин И почему-то напился, а наутро проснулся с головной болью и тошнотой, рот был кислым, и язык болел. Он хотел спросить, но стеснялся, и только сейчас решился намекнуть.

— Почему ты тогда разозлился?

В темноте наступила тишина, и Лин И думал, что Синчуань ответит на его вопрос, но вместо этого тот спросил:

— Лин И, почему ты пять лет назад передумал?

Он никак не ожидал такого вопроса. Лин И широко раскрыл глаза, его зрачки потеряли фокус.

— Тебя кто-то заставил?

Синчуань смотрел прямо на Лин И, и тот открыл рот.

Он хотел сказать «да», он действительно хотел, чтобы тогда его кто-то заставил. Но правда была в том, что никто его не заставлял, всё было добровольно. Первый и единственный шанс уехать с Синчуанем, в конечном итоге, был им самим обменян, и о каком-либо принуждении не могло быть и речи.

Увидев, что Лин И молчит, Синчуань тихо сказал:

— Лин И, я хочу, чтобы ты сказал правду.

Лин И смотрел на него, словно зависнув в темноте, и снова услышал тот телефонный разговор.

— Синчуань... прости... я не смогу приехать в аэропорт. Я... я подумал и решил не уезжать. Если я уеду, что будет с мамой? Синчуань, прости меня, я сын своей матери, я её единственный сын, она не может без меня, и я не могу без неё. Ты понимаешь, да?

Лин И вздрогнул, его голос слегка дрожал:

— Синчуань, никто меня не заставлял.

Синчуань лежал на краю кровати, не двигаясь.

Прошло много времени, Лин И уже думал, что он уснул, когда тот наконец сказал:

— Лин И, я тоже единственный сын.

Никто не напоминал ему, но Синчуань мог слово в слово повторить тот разговор. Сколько ночей он провёл на границе, лежа на камнях под звёздным небом, и всё, о чём он думал, были эти слова.

Лунный свет освещал всё вокруг, и это был его дом, но рядом больше не было Лин И.

Он отказался от родительской любви раньше, чем Лин И, и ему было труднее вернуться. Если бы не крайняя необходимость, кто бы добровольно отказался от своей крови и плоти?

Пять лет назад в сезон «Великий снег» не было так холодно, и городской ров ещё не замёрз. Новый прогулочный корабль, окрашенный в сосновый цвет, стоял у деревянного причала, и лодочник с местным акцентом зывал пассажиров:

— Садитесь на корабль, увидите каждый уголок Линьцзяна!

Лин И тогда был на таком корабле, делая зарисовки. Преподаватель арендовал его на целый день, и студенты замёрзли, но ничего выдающегося не нарисовали. К вечеру он собрал все свои инструменты и передал их одногруппнику.

— Эй, куда ты?

— К Синчуаню! — Он отходил назад, смеясь и махая рукой. — Отнеси мои вещи обратно!

Одногруппник бурчал:

— Синчуань, Синчуань, только о нём и думаешь.

Тогда Синчуань катался на лыжах на горнолыжном курорте в родном городе Лин И, с друзьями. Лин И не умел кататься, поэтому не мог присоединиться, и после рисования спешил догнать их.

— Синчуань, поехали ко мне домой, моя мама отлично готовит.

— Давай, давай, я уже сказал маме, что ты приедешь.

— Синчуань, посмотри, здесь гостиницы грязные, если ты ляжешь на эту кровать, у тебя появятся прыщи.

— Синчуань...

Тогда Ян Бинь уже переехал в Линьцзян, и в родном городе осталась только Лин Сухуэй, которая отказалась уезжать. Как бы холоден ни был Синчуань, он не мог устоять перед такой настойчивостью и поехал к Лин И домой, чтобы переночевать.

По пути они зашли в супермаркет, и Синчуань попросил Лин И подождать снаружи, сказав, что ему нужно что-то купить. Когда он вышел, его рюкзак казался тяжелее. Лин И заинтересовался:

— Синчуань, что ты купил? Воду? У меня дома есть вода.

Синчуань не ответил.

Когда они добрались до дома Лин И, условия оказались хуже, чем ожидалось. В подъезде были обклеены рекламные объявления, половина ламп не работала, стены были грязными, а на балконах висели проволочные вешалки с бюстгальтерами и трусами, дрожащими на холодном ветру.

<http://bllate.org/book/16753/1540465>